

А.Н.Медушевский

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА

МЕДУШЕВСКИЙ Андрей Николаевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института отечественной истории РАН.

Два типа социальной регуляции

Основной признак стабилизации политического режима — создание нового правящего класса. Само понятие "новый класс" предполагает его отличие от старого, однако причины этой новизны интерпретируются в науке по-разному. Если за исходный пункт принять тип социальной организации, то можно констатировать принципиальную возможность двух моделей механизма социального регулирования: механическую (путем властного принуждения) и органическую (путем спонтанной саморегулирующейся системы). Наиболее показательно противопоставление феодального принципа организации общества бюрократическому. Феодальное государство обычно квалифицируется как тип политической организации, которому свойственна автаркическая и иерархическая организация, где каждый слой имеет четко зафиксированные права и обязанности по отношению к власти, представляя собой корпоративный сословный институт государства. Власть носит личностный (или харизматический, по Веберу) характер, когда одно и то же лицо выполняет все властные функции — политические, экономические, правовые, военные. Бюрократическая система, напротив, предполагает известное разделение общества и государства, выполнение последним функций общенационального представительства и управления — по сбору налогов, организации войска и административного аппарата [1].

Противопоставление феодальной и бюрократической систем позволяет объяснить многие особенности правящего слоя на стадии его формирования. Согласно классическому определению Ф.Гизо, феодализм есть система, характеризующаяся тремя основными признаками — условностью землевладения, раздробленностью территории и отношениями вассалитета, при котором на первое место выходит личная уния суверена и вассалов. Ф.де Куланж, например, видит главную черту ранней монархии в отсутствии каких-либо форм социального контроля, концентрации власти в лице правителя и его функционеров [2]. О.Хинтце считает возможным рассматривать феодализм как определенную историческую аномалию — отклонение от нормального хода развития, когда наблюдается прямой переход родоплеменных отношений в государственные (как в Риме) без промежуточной стадии деспотического феодального государства [3]. Основную причину возникновения последнего он усматривает в установлении особого типа отношений власти и собственности под влиянием внешних факторов — детской болезни империализма формирующихся государств.

Заслуживает внимания модель объяснения этого процесса, имеющая, на наш взгляд, универсальное значение. Опережение политической централизации экономической и социальной повлекло за собой патримониальный характер государства. Возникновение больших политических объединений с выраженной личной властью монарха и их конкуренция требовали быстрой мобилизации ресурсов. В условиях натурального хозяйства и слабости коммуникации она могла быть достигнута лишь за счет жесткой иерархии, в основе которой лежала собственность на землю и ее плоды. Власть порождает здесь собственность, сосредоточенную в руках единой патримониальной элиты общества — феодальной аристократии. Феодальная система

выполняла три главных функции — военную (предоставление монарху войска, мобилизуемого через систему персональной унии с вассалами); социально-экономическую (создание экономической основы для привилегированного военного слоя путем особых корпораций, соединяющих землевладение и службу воедино); административную (управление на местах через локальные структуры военной аристократии, инкорпорированные в единый государственный союз системой личных связей). Феодализм повсеместно являл собой реакцию на более развитые предшествующие формы и в этом отношении означал известную ретрадиционализацию. Он прошел три основные фазы — ранний феодализм (когда преобладает роль военного фактора), средний феодализм (когда военная знать достигает высшего политического влияния) и поздний, или государственный феодализм (когда знать упрочивает и использует свое положение в качестве земельного собственника). Феодалской организации правящего класса Хинтце противопоставляет бюрократическую, рассматривая ее как важнейший инструмент централизации государственной власти и эволюции последней от небольших территориальных государств к абсолютизму и от него к конституционной монархии [4]. Особое соотношение власти и собственности в феодалском государстве (в отличие от бюрократического), а также характер их правового регулирования позволяют понять природу правящего класса. Говоря о феодалской знати как классе *de facto*, М.Блок подчеркивает специфику ее правового положения. Не всякий господствующий класс является знатью, для этого необходима комбинация двух условий — правового закрепления ее особого привилегированного статуса в обществе и наследственность этого статуса, которая дает возможность включать сюда незначительное число новых семей в соответствии с установленными правилами. Исходя из этого, называть высший средний класс современного общества буржуазной аристократией можно только в ироническом смысле [5]. Главное различие между ними коренится в способах организации власти — патримониальном и рациональном. Бюрократической системе, в отличие от феодалской, свойственно более четкое разделение функций по принципу эффективности управления, что выражается в деперсонализации управления, значения политической роли и индивидуальной инициативы правителя. Таким образом, на историческом материале была сформулирована основная парадигма современной науки в изучении правящего класса — его трансформация из привилегированного в рациональный. Можно поставить вопрос о том, в какой мере она применима для изучения классов современного общества, возникших в результате крупнейших революций Нового и Новейшего времени.

Концепция правящего слоя

Все предшествующие дефиниции данного феномена исходили из выяснения его социального содержания или функции в обществе. Для К.Маркса решающее значение имел анализ способа производства и распределения материальных благ, ведущий к появлению экономически господствующих классов. О.Конт видел основу классовобразования в статике и динамике всякой социальной системы, которые он связывал с ростом знания. Один из основателей современной теории социальной стратификации Т.Веблен, напротив, считал появление правящего класса следствием функционального разделения в обществе. Социальная дифференциация идет по линии разделения занятий, в результате чего возникает социальный слой, непосредственно не занятый в экономической сфере. Веблен определяет его как "ленивый класс" [6]. Появление данного класса он Медушевский А. Формирование правящего класса связывал с переходом от дикости к варварству, а оформление — с движением общества к цивилизации, усматривая его в развитом виде уже в эпоху феодализма, когда за ним в силу обычая закрепляются благородные занятия — военная и духовная служба. В индустриальную эпоху этот класс испытывает существенную трансформацию, но не

меняет своей паразитарной сущности. Несмотря на обилие социальных делений, он образует одно целое благодаря своему отношению к работе — неучастию в производительном труде и занятиям исключительно престижными видами деятельности. Положение "ленивого класса" в обществе определяется такими параметрами, как статус, господство и влияние (*status, dominans, influence*), а критериями его выделения служат престижность занятий, уровень потребления и уровень благосостояния, измеряемый величиной доходов. Власть и собственность связаны в этой концепции непосредственно: доминирующее положение дает контроль над собственностью, и оба эти параметра находят наиболее полное выражение в статусе — объемной характеристике, включающей как объективное положение класса в обществе, так и характер его восприятия и самовосприятия. Однако Веблен не учел важного критерия, а именно отношения "ленивого класса" к власти, и, кроме того, определение этого феномена лишено четкости.

В качестве синтеза воззрений Маркса, Конта и Веблена можно рассматривать известную концепцию постиндустриального общества, которая объясняет трансформацию социальной структуры, статуса и ролей традиционных социальных групп новым объективным фактором — превращением науки в производительную силу. Д.Белл последовательно сравнивает роль знати (лордов, военных и духовных ее ветвей) при феодализме, буржуазии (ремесленники, торговцы и лица свободных профессий) в индустриальном обществе с ролью ученых (прежде всего технической элиты) в постиндустриальном обществе [7]. На этом основан и его известный тезис о конце идеологии при переходе к постиндустриальному обществу [8]. Новая техника действительно ставит новые проблемы в области экономики, энергетики, химии, коммуникаций и образования, ведя к революционизированию всего процесса и администрации. Возникает особая "социотехническая система", связывающая воедино социальные структуры и институты, с одной стороны, технологию — с другой [9]. Информация является ключевым элементом соотношения технологии и социальной власти, следовательно, реальная власть переходит в руки тех, кто владеет стратегической информацией, способной изменить конфигурацию будущего общества (ядерная энергия, генная инженерия, микроэлектроника и коммуникации). Особые надежды возлагаются на роботизацию и компьютеризацию, которая, по прогнозам, приведет к серьезным социальным сдвигам — изменениям структуры занятости, систем и видов образования, интенсивности социального контроля над индивидами, расширению доступа и контроля над информацией в масштабах всего общества. Наконец, изменится сам процесс управления и будет ограничен процесс бюрократизации. Во всяком случае стратегия демократического развития включает фактор научной революции в переосмысление таких основных компонентов политической культуры, как система выборов, участие населения в политике, механизм принятия решений. Инициатива перейдет к тем элементам правящего слоя, которые наиболее подготовлены к работе в новых условиях, то есть к ученым. В идеале это будет политика, основанная на научном прогнозе, для чего необходимы экспертиза, моделирование ситуаций, выявление имеющихся альтернатив, разработка способов их реализации в принятии решений.

Критики этой доктрины справедливо указывали, что рост значения науки и переход к другому типу информационной цивилизации отнюдь не означают перехода власти к ученым. Скорее, ею завладеют менеджеры, то есть фактически новый тип бюрократии. Именно к этому в конечном счете приводит борьба идеологической бюрократии и так называемой технократии в идеологически детерминированных системах прошлого и современности. Отсюда ясно, что все концепции, пытающиеся объяснить доминирующий класс вне системы отношений господства и подчинения, безотносительно к природе власти, всегда будут иметь ограниченное значение.

С этой точки зрения важно обратиться к другому направлению социальной теории, ставящему своей задачей интерпретировать прежде всего саму власть и ее носителей — правящую элиту, бюрократию, менеджеров, а также современную номенклатуру.

Г.Моска предложил другой критерий классовообразования — отношение различных социальных слоев к процессу управления. Необходимость управления объективно ведет к расколу всякого общества на два основных класса — управляющих и управляемых, ведущих и ведомых [10]. Первый в силу большей компактности и лучшей организации обеспечивает политические функции, монополизирует власть и пользуется ее преимуществами, легитимизирует свое положение особой политической формулой, навязанной всему обществу. В этой перспективе смена религий или идеологий выступает как смена важнейших легитимизирующих формул, обосновывающих власть правящих классов. Источники комплектования правящего класса, характер воспроизводства и внешнее оформление зависят от структуры общества и изменяются во времени и пространстве (например, военная знать, жречество, наследственные касты, финансовая олигархия и т.д.), однако его функция в обществе — осуществление власти и управления — остается неизменной.

Поэтому свержение всякого политического класса в результате революции приводит к рождению нового, выполняющего те же функции. Данная теория получила развитие в концепции В.Парето о циркуляции элит и в социологии политических партий Р.Михельса с его известным тезисом о "железном законе олигархии" [11]. В специальном разделе своей книги о бонапартизме Михельс четко сформулировал связь непосредственной демократии и авторитаризма, показав генезис современной диктатуры путем доведения идеи народного представительства до логического конца. Примечательно, что, отвергая упреки Каутского в стремлении к тирании, В.Ленин впоследствии повторил эту концепцию, но уже в позитивной интерпретации: массы делятся на классы, классы управляются партиями, а партии — вождями [12]. В условиях надвигающейся социальной революции упомянутые учения были серьезным предостережением против утопического тезиса об отмирании государства, ведущего на практике к Новой форме тирании — тоталитаризму.

Переосмысление с данных позиций социалистического эксперимента, прежде всего русской революции, привело к появлению ряда теорий, стремившихся синтезировать марксистский и современный социологический подходы. Они, в частности, представлены в сочинениях Х.Раковского и Л.Троцкого о термидорианском перерождении революции и возникновении нового бюрократического слоя. Отталкиваясь от опыта Французской революции, Троцкий пытался объяснить установление сталинизма по аналогии с бонапартистским режимом. Ключевой фазой в этом процессе представляла бюрократизация партии и государства, выразителем которой стала новая форма авторитарной власти. Особенно четко процесс описан в книге Троцкого "Преданная революция" [13]. Однако И.Дойчер, специально изучавший этот вопрос, подчеркивал, что Троцкий не довел свой анализ до логического конца — он говорил только о тенденциях процесса, но не считал его завершенным [14]. Тем не менее из этого анализа следовал вывод о необходимости новой революции, на сей раз — против бюрократии.

Ряд других концепций правящего класса дает более социологизированную (и оторванную от экономической базы) формулировку вопроса. Она была предложена Дж.Бернхеймом в концепции "революции менеджеров" [15]. Суть концепции заключается в следующем. С развитием социализации производства его средства и результаты все более теряют свой индивидуальный характер. В таких условиях решающая роль принадлежит небольшой группе людей, реально контролирующим средства производства, допуск к ним и распределение продукции. Не будучи собственником средств производства в традиционном смысле слова, данный класс играет тем не менее решающую роль в управлении производством, что позволяет ему стать реальным хозяином жизни.

В отличие от феодальных лордов и буржуазии, класс менеджеров осуществляет свою власть не через механизм собственности, а путем установления фактического контроля над производством. Следовательно, не только собственность порождает

контроль, но и контроль ведет к установлению фактической собственности. Слияние экономики и политики, выражающееся в превращении планирующих органов в центр государственной машины, создает условия для сращивания менеджеров и политиков в один правящий класс. Он образует основу тоталитаризма — специфической формы господства Новейшего времени. С позиций этой теории, разработанной в условиях Второй мировой войны, давалась интерпретация сути мирового конфликта как борьбы различных соперничающих групп менеджеров и важнейших проявлений тоталитаризма — германского фашизма, советского сталинизма, а также "нового курса" в Америке. Однако Бернхейм переоценил значение регулирующего начала в экономике, поскольку опирался в своем анализе преимущественно на ее военные образцы.

Интерпретируя историю революций Нового и Новейшего времени, он пришел к выводу, что все они, провозглашая демократические лозунги, на деле выражали наиболее мощную в наше время тенденцию к бонапартизму [16]. Революция менеджеров, будучи первой действительно мировой революцией, не является исключением, ибо приводит к власти новый класс — управленцев, оттесняющих традиционных носителей власти — буржуа от управления производством, распределения и решения социальных проблем. Примером для него служит большевистская революция, установившая наиболее экстремистский в истории бонапартистский режим. Демократия в смысле самоуправления и равенства — утопия. Она представляет собой создание специфического механизма социального регулирования, который, исходя из факта неизбежности правящего класса, делает его более открытым, парализуя аристократические тенденции, способствуя притоку в элиту новых сил.

Связь авторитаризма с возникновением нового класса после революции четко проследил М.Джилас [17]. Коммунистическую систему он сравнивает с абсолютистской монархией, видя сходство в основном в тотальном административном регулировании общества сверху. Промышленный переворот и связанная с ним мобилизация ресурсов могут быть осуществлены в отсталых странах лишь с помощью государства. В этом принципиальное отличие буржуазных революций от коммунистических: в первых создание новых экономических отношений предшествовало политическому перевороту, во вторых, напротив, следовало за ним. Это была особая стратегия модернизации в отсталых аграрных странах Восточной Европы, суть которой состояла в беспрецедентной попытке экономического и социального переустройства сверху при опоре исключительно на политическую власть, новую революционную организацию — партию. Поэтому террор становится здесь исключительно важным компонентом преобразований. Если все революции на Западе в конечном счете вели к демократии, то коммунистические — к деспотизму. Мифология революций часто прикрывает вполне реальную прагматическую цель. Объективной целью коммунистической революции становится создание современного индустриального общества. Поэтому суть порождаемого ею режима есть специфическая форма государственного капитализма.

Государство берет на себя все функции по индустриализации и модернизации общества. Это, однако, предполагает тотальное огосударствление всего общества — введение коллективных форм собственности, сосредоточение распределения в руках государства, монополию правящей партии на власть. Собственность, по Джиласу, есть не что иное, как право на доходы и контроль. Создание новой формы собственности означает поэтому не ликвидацию классового неравенства, а лишь новую форму классового деления. В реальной ситуации послереволюционного переходного периода коммунисты оказались не способны придумать ничего иного, как превратить себя в единственный привилегированный класс. Думая создать новое идеальное общество, они создали его для самих себя. Коммунистическая тирания, сопровождающая индустриализацию, не является поэтому чем-то случайным, а представляет собой способ обеспечения привилегий нового класса, который, как и все предыдущие, возникает из революции, но имеет ряд специфических черт. Он состоит из людей, пользующихся благодаря административной

монополии привилегиями и материальными преимуществами. Партия составляет ядро и основание нового класса, однако постепенно он вырастает из нее и использует ее в своих целях.

Далее содержание данного понятия уточняется: это не вся партия, а, скорее, бюрократия, управляющая обществом, наконец, не вся бюрократия, а тот ее слой, который, играя решающую роль, не занимается чисто управленческой работой. Он и составляет, согласно определению Джиласа, "ядро господствующей бюрократии, или ... новый класс" [17, Р.68].

Еще одной важной характеристикой данного слоя является его участие в политике: это особая "политическая" или "партийная" бюрократия. Такое уточнение весьма существенно, ибо оно отсекает достаточно широкие слои обычной бюрократии, увеличивающейся во всех странах с ростом централизации и усложнения социального управления. Таким образом, в условиях полностью огосударственной собственности, плановой экономики и централизованного распределения материальных благ новый класс становится подлинным хозяином положения. В этой системе не собственность дает власть, а наоборот — власть ведет к возможности перераспределять собственность в свою пользу. Проследивая историю восхождения нового класса к власти, Джилас убедительно анализирует основные фазы советской политической истории, представленные революционной диктатурой Ленина, бюрократическим абсолютизмом Сталина и олигархией "коллективного руководства". Подобная трансформация связана с приходом нового класса к власти, его утверждением у власти (путем перегруппировки и уничтожения революционной гвардии) и последующим разложением (в условиях отказа от революционных догм, усиления прагматизма и паразитизма). Такая эволюция удивительно напоминает судьбу предшествующего правящего класса — дворянства, прошедшего сходные этапы своего развития в дореволюционную эпоху. С этой точки зрения можно констатировать сходство советского политического режима с абсолютизмом и даже восточной деспотией, что неоднократно отмечалось в литературе. Анализ Джиласа оказался очень результативным, а его прогноз — во многом верным.

Кризис коммунистической системы и поиски выхода из него сделали актуальной проблему тенденций развития правящего класса в посткоммунистический период. В этом отношении должны быть приняты во внимание современные дискуссии о так называемой номенклатуре и ее социологических параметрах. Основной вопрос состоит в следующем: может ли номенклатура рассматриваться как класс, аналогичный другим правящим классам, возникающим в условиях революций, или это особый, "новый" класс; какова его социальная природа, функция в обществе и направление развития — является ли он переходом к созданию буржуазии или несет обратный (феодальный) потенциал; как соотносятся в нем традиционные и рациональные (бюрократические) элементы. Споры по этому вопросу нашли выражение в различии терминов для определения одного и того же феномена — новый класс, номенклатура, бюрократия, политбюрократия, партбюрократия, слой, каста, вожди. Расположив их по мере убывания объема определяемого социального страта, мы обнаруживаем, что диапазон мнений очень велик — от класса в его марксистском понимании до небольшой маргинальной группы, нестабильность которой делает необходимым ее конкретное определение в отношении каждого конкретного отрезка времени. Ясно, что суть дела заключается в тех критериях, которые избираются для определения. Понятие "номенклатура" в этом ряду наиболее удачно, поскольку повторяет самоназвание данного слоя и, следовательно, имеет определенный юридический смысл. Однако определяя явление таким образом, мы не даем еще его социологической интерпретации.

Рассмотрим возможные варианты такой интерпретации. Первый представлен марксистской концепцией классовообразования. Номенклатура с этой точки зрения — господствующий эксплуататорский класс советского общества. Упрощенность подобного определения очевидна. Номенклатура не отвечает важнейшему требованию марксистской

концепции класса индустриального общества, так как не связана непосредственно с производством, а только с распределением. Неясность существует и в отношении эксплуатации — ее механизм не удастся выявить эмпирически. Другое определение номенклатуры как бюрократии также не выдерживает критики. Бюрократия в веберовском смысле охватывает всех чиновников административного аппарата. Номенклатура оказывается значительно уже этого слоя, включая только ту часть бюрократии, которая осуществляет принятие политических решений. Некоторое уточнение дает концепция номенклатуры как политической бюрократии или партбюрократии, хотя и такое определение достаточно неопределенно. Это, скорее, правящая элита нетрадиционного типа.

Для понимания номенклатуры важно исходить из специфики всей системы, вершиной или ядром которой она является. Специфика же заключается в слиянии экономической и политической (в том числе административной) власти в одних руках. Следует подчеркнуть, что это характерно для всякого докапиталистического общества, которое не знает, или знает лишь отчасти, разделение экономической, политической и административной власти. Данный вывод делает перспективным анализ номенклатуры путем выявления ее сходных черт с другими правящими классами традиционного общества. Такие попытки неоднократно предпринимались в политической науке. К.Виттфогель, например, указывал на сходство номенклатуры с правящим классом восточных деспотий — рабовладельцами [18]. Р.Баро выводил его из азиатского способа производства [19]. Р.Пайпс, вслед за представителями русской эмигрантской литературы, отмечал близость данного социального слоя с предшествующим правящим классом самодержавной России [20]. М.Джилас доказывал сходство нового класса с господствующим классом буржуазного общества [21]. Некоторые исследователи склонны видеть в номенклатуре, скорее, управленцев — бюрократию или менеджеров (вслед за Троцким и Бернхеймом). Этот ассоциативный ряд возникает и в сочинениях других авторов (Куронь, Модзалевский, Медведев). М.Восленский указывает на черты сходства номенклатуры со всеми предшествующими разновидностями правящего класса [22]. Он интерпретирует диктатуру номенклатуры как феодальную реакцию, азиатский способ производства, государственно-монополистический феодализм. Сама номенклатура предстает и как новый и как старый класс, как сплав того и другого, как политбюрократия и даже — метод управления. Все эти определения объединяет принципиальный недостаток — стремление интерпретировать новое явление в старых терминах. Логика такого подхода фактически задана принятием марксистской концепции классовообразования и класса (исходящей из его места в обществе в зависимости от отношения к средствам производства и распределению материальных благ) и не очень эффективен для интерпретации "нового" класса, который возник благодаря отрицанию традиционного классового общества и был своеобразной попыткой выхода из него. То, что номенклатура без особого труда может быть отождествлена с любым господствующим классом традиционного общества, указывает на ее место в современном мире, однако социологически этот факт ничего не объясняет в специфике ее природы. На наш взгляд, она может быть раскрыта, скорее, при определении общей исторической тенденции, когда становится понятна, с одной стороны, социальная функция номенклатуры, а с другой — ее постоянное обновление и маргинальный характер.

Удивительная социальная приспособляемость номенклатуры особенно четко проявилась в последнее время. Распад социалистической системы и советского государства, поставивший под угрозу власть правящего слоя, сделал необходимым поиск нового способа социального господства. Выход был найден в отказе от государственной монополии на собственность и ее перераспределении сверху. Это привело к захвату собственности монополиями, находящимися под контролем государства, и сильно замедлило развитие рыночных отношений в стране. Возник так называемый номенклатурный капитализм, политическим выражением которого стал авторитарный

политический режим, прикрытый конституционными формами — "номенклатурной демократии" [23].

Сравнение номенклатуры с другими близкими вариантами показывает, что мы имеем дело с переходным историческим явлением. Номенклатура возникает в условиях революции и вакуума власти как инструмент стабилизации ситуации и управления в руках государства. Поэтому она представляет собой не столько традиционный класс, сколько его отрицание — средство ликвидации существующего классового неравенства. В силу этого данный социальный слой не имеет одного из важнейших признаков всякого устойчивого класса индустриального общества — юридически закрепленной собственности на средства производства. По мере централизации и бюрократизации власти он меняет свой социальный состав, конфигурацию, способы рекрутирования, все более превращаясь в оторванную от общества замкнутую группу и все более подчиняя себе государственную власть, которая становится в конце концов выразителем его корыстных интересов. Возникает тупиковая ситуация, когда реформы внутри общества оказываются нереальными и оно переходит в состояние стагнации, а затем и революционного кризиса. В этих условиях преодоление кризиса возможно в ходе либо радикального устранения данного слоя революционным путем, либо радикальной перестройки сверху и изменения форм и методов господства, легитимизирующей формулы последней. В процессе такой перестройки номенклатура, используя свою монополию на власть, конвертирует ее в собственность, приобретая тем самым недостающие параметры класса.

Вся история номенклатуры может быть понята как своеобразная переходная стадия на пути образования классовой структуры индустриального, а отчасти и постиндустриального общества. Следовательно, интерпретация номенклатуры невозможна вне процесса модернизации, который определяет доминирующие тенденции социальной трансформации традиционных аграрных обществ, вынужденных в Новое и Новейшее время избрать стратегию догоняющего развития.

Авторитократия

Вывод о переходном и маргинальном характере номенклатуры в условиях незаконченного процесса классового образования и кристаллизации новой социальной структуры делает перспективным поиск аналогов именно в тех исторических ситуациях, которые типологически близки данному феномену. Это эпоха формирования централизованных государств, эпоха создания национальных государств в форме абсолютизма и эпоха революций Нового и Новейшего времени, точнее — завершающая фаза революций, когда происходит оформление нового социально-политического режима. Во всех трех случаях (хотя и в разной степени) политический переворот предшествовал оформлению новых социальных отношений. В первом случае это образование монархической власти, которая затем формирует феодальную аристократию как особый социальный слой, позволяющий осуществлять сбор налогов, централизацию управления и организацию войска. Во втором — утверждение абсолютизма становится возможным за счет создания нового служилого класса и бюрократии, которые противопоставляются традиционному носителю власти — феодальной аристократии. В третьем случае в результате революции к власти приходят диктаторские режимы, объективное содержание которых состоит в упрочении нового социального порядка за счет опоры на вертикальные структуры власти — армию, бюрократию, полицию. Они образуют новые политические элиты, которые продолжают свое существование в условиях реставрации монархии. Все три примера дают в принципе сходное решение проблемы соотношения власти и собственности. В условиях политического кризиса происходит усиление авторитарного начала в обществе, что выражается в создании сильной государственной власти, которая, стремясь овладеть ситуацией, в свою очередь, создает (из реально существующих

социальных элементов) особый социальный слой, являющийся ее социальной опорой и проводником ее воли в обществе. В результате возникает новая социальная иерархия, каждый элемент которой имеет четко определенное отношение к власти. Обладая монополией на власть и реализуя свои преимущества в отношении распределения, "новый класс" стремится к установлению контроля над собственностью и отстранению от него других социальных групп. На этом пути он проходит ряд стадий, связанных с эволюцией самой авторитарной власти в обществе. Первая характеризуется аморфностью правящего слоя, который находится на стадии формирования и в силу этого испытывает зависимость от самой власти, выступающей для него интегрирующим фактором. Вторая стадия характеризуется перегруппировкой данного слоя и превращением его в сознательное орудие новой власти, третья — его выходом из-под контроля этой власти и превращением последней в инструмент своего господства. Соответственно меняется характер отношения власти и собственности. На первой фазе правящий слой отталкивает от власти и собственности все другие слои, на второй оказывается зависимым от распределительной системы власти, которая стремится удержать его в повиновении и обеспечить контроль над ним, на третьем сосредоточивает власть в своих руках и путем коррупции все более поворачивает систему распределения в свою пользу. Наконец, наступает качественно новый этап превращения данного слоя в класс. Куколка превращается в бабочку. Сложившаяся система неформального контроля над собственностью получает легальное оформление и правовое закрепление.

Исходя из этого, становится возможным определить социальную природу данного слоя. Очевидно, что это не класс в марксистском смысле, так как он не обладает собственностью. Это также не бюрократия или менеджеры, поскольку управленческая функция исторически не является для данного слоя самоцелью, а лишь средством превращения в класс. В традиционных терминах самым точным определением данного слоя было бы "служилое сословие". В терминах современной социологической науки — маргинальный социальный слой, обслуживающий власть и в то же время являющийся проводником ее предначертаний. Мы назвали бы его авторитократией. Данный слой существует везде, где идет процесс установления авторитарной власти, он неразрывно связан с ней, представляя собой важнейший элемент ее структуры и связующее звено с административными (чисто бюрократическими) институтами. Этим объясняется его смешанный состав (ибо рекрутирование в него идет по принципу соответствия интересам власти), периодические изменения (связанные с трансформацией власти и ее политики), а также кратковременность существования (он существует лишь в переходный период установления власти, а затем растворяется в правящем классе). Для всякой авторитократии характерно преобладание личной унии ее членов перед нормативно закрепленными правилами. Этим подчеркивается особое положение данного слоя в обществе, указывающее на его функцию — создание и укрепление новой системы и ее главы, становящегося символическим и харизматическим вождем государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Fustel de Coulanges. Histoire des Institutions Politiques de L'Ancienne France. Paris:Hachette, 1891. Vol.3. P.I 16.
3. Hintze O. Wesen und Verbreitung des Feudalismus // Staat und Verfassung. Gesammelte Abhandlungen zur allgemeinen Verfassungsgeschichte. Gottingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1962. S.84-119.
4. Hintze O. Beamtentum und Birokratie / Hrsg. v.K.Kruger. Gbttigen: Vanden hoeck und Ruprecht, 1981. S.16-77.
5. Bloch M. Feudal Society. Chicago: University Press, 1971. Vol.2. P.283.
6. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. New York: A.M.Kelley, 1965. P.7-30.

7. Bell D. The coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting / London: Heinemann, 1974. P.378.
8. Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. New York: Free Press, 1961. P.393.
9. Burns T.R., Uberhorst R. Creative Democracy. Systematic Conflict resolution and Policy-making in a World of High Science and Technology. N.Y., 1988. P.3G.
10. Mosca G. Die herrschende Klasse. Grundlagen der politischen Wissenschaft. Munchen: Leo Lehnen, 1950.
11. Michels R. Zur Sociologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen uber die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens.: Stuttgart: A.Kroner, 1989.
12. Kolakowski L. Die Hauptstramungen des Marxismus. Entstehung. Entwicklung/Zwifall. Munchen-Zurich: R.Piper und Co.Verlag, 1981. Bd.2. S.63-65.
13. Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991.
14. Дойчер И. Троцкий в изгнании. М.: Политиздат, 1991.
15. Burnham J. The managerial Revolution. What is Happening in the World. New York: The Lohn Day Company, 1941.
16. Burnham J. The Machiavellians defenders of Freedom. New York: The John Day Company, 1943. P.254.
17. Djilas M. Die neue Klasse. Eine Analyse des kommunistischen Systems. Mimchen: Kindler, 1957.
18. Wittfogel K. The Oriental Despotism. New York, 1956.
19. Bahro R. Die Alternative. Zur Kritik des real existierenden Socialismus. Koln: Europaische Verlagsanstalt, 1977.
20. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.
21. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.
22. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991.
23. Буртик Ю., Водолазов Г. В РОССИИ построена номенклатурная демократия //Известия. 1994. 1 июня.